

Светлана Евстратова
(Тарту, Эстония)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЭСТОНИИ

Сферы использования русского языка в Эстонии достаточно разнообразны: официально-деловая, бытовая, средства массовой информации и Интернет, образование, культура, наука. Кратко охарактеризовав каждую из перечисленных сфер функционирования русского языка, мы более подробно остановимся на средствах массовой информации.

Основное внимание в области школьного образования направлено на интеграцию русскоязычных детей в эстонское общество и качественное изучение государственного языка, в то время как изучение родного языка и культуры отходит на второй план. В последнее время все больше русских школ закрываются либо переходят от традиционной модели обучения к методу языкового погружения, в результате чего увеличивается количество русскоязычных детей, получающих образование на неродном языке. Многие используют возможность учиться в эстонской школе, добровольно и осознанно делая этот выбор. Сложившаяся ситуация приводит к снижению уровня владения родным языком, а зачастую и к неспособности к этнокультурной идентичности.

Русский язык в эстонских школах изучается как иностранный группы «А» (с 4-го класса) или группы «Б» (с 6-го класса), причем, согласно Государственной программе обучения, школа сама имеет право выбирать иностранные языки, а следовательно, русский язык может не изучаться вовсе. Количество эстонских школ в целом по республике

сократилось с 600 в 1995/96 учебном году до 465 в 2009/10 учебном году, а число русских школ в эти же годы уменьшилось со 116 до 61. В вузах Эстонии русский язык изучается как иностранный, лишь на отделениях славистики в Тарту, Таллине и Нарве обучение ведется на русском языке. Рабочим языком научных конференций чаще всего является английский.

В сфере культуры русский язык представлен достаточно хорошо: в Таллине работает Русский драматический театр, издаются два литературно-художественных журнала — «Вышгород» и «Таллинн», проводятся праздник песни «Славянский венок», международный фестиваль древлеправославной культуры «Пейпус» (*Peipus* в переводе с эстонского языка — *Чудское озеро*), ежегодный Русский бал в Тарту. В Эстонию часто приезжают деятели культуры и искусства из России, здесь можно увидеть прекрасные спектакли известных российских театров, так что культура — один из основных мостиков, соединяющих нас с исторической родиной.

В официально-деловой сфере русский язык функционирует в основном в виде переводных текстов, достаточно широко он представлен в сфере услуг населению: в банках, на энергопредприятиях, в телекоммуникационных, транспортных и строительных фирмах; сайты, бланки и буклеты часто издаются на двух языках, на двух языках иногда представлена и реклама. В Интернете можно найти русскоязычные версии таких сайтов, как <http://www.president.ee/ru>, <http://www.eesti.ee/rus/> (государственный портал); двуязычные сайты имеют Налогово-таможенный департамент, Департамент полиции и погранохраны, Касса страхования от безработицы, Департамент государственного медицинского страхования (Больничная касса, Департамент здоровья), государственный суд, некоторые уезды, города, партии, организации. Русскую версию имеют новостной портал Delfi, сайты большинства издающихся в Эстонии газет и журналов. В являющейся предметом нашего внимания сфере средств массовой информации на русском языке издаются такие газеты, как ежедневная «Postimees на русском языке» (переводной вариант эстонской газеты *Postimees*), еженедельники «День за днем», двуязычные «Деловые ведомости», «МК Эстония», «Здоровье для всех», «Референт» (двуязычная), городские и региональные газеты: например, в Таллине в разных районах города выходит пять газет на русском языке.

Что можно сказать о языке этих изданий? По наблюдениям исследователей, в публицистике 70–80-х годов прошлого столетия, когда язык газеты не был так раскован, экспрессивность достигалась чаще всего переносным использованием слова [4]. Анализ нашего материала [1] показывает, что экспрессивность выражается прежде всего за

счет активизации разговорного фонда лексики и нестандартного сочетания слов из разных стилистических регистров. Русскоязычные средства массовой информации Эстонии тоже «испытали нашествие радикальной иронии и общего "прикольного" духа времени, пришедшего на пространстве, именуемом постсоветским, на смену духу торжественной серьезности» [3]. Общую тональность большинства рассмотренных нами текстов можно определить как иронически-скептическую, полную неприятия описываемых событий, но оставляющую надежду на возможность положительных перемен. Для языка русскоязычных СМИ Эстонии характерны также заимствования как из эстонского, так и из английского языков, обозначение названий фирм и учреждений в соответствии с формой оригинала, то есть латиницей. Такое употребление можно признать оправданным, так как помогает избежать неверной идентификации, это своего рода узаконенная разновидность смешения и переключения кодов [2]. Все эти языковые особенности характерны и для современной российской прессы, еще более экспрессивной, с той разницей, что в ней не используются заимствования из эстонского языка. Средством выражения оценки и создания образности в русскоязычной прессе Эстонии является также культурно значимая информация, что особенно заметно в названиях газетных публикаций: 1) *Прощай, Койдула!* (День за днем. 2010. 24 – 30 сент.); 2) *Рейн Ланг в поход собрался* (День за днем. 2011. 16 – 22 сент.); 3) *Ну когда же душка Лаар надиктует мемуар?* (День за днем. 2011. 30 сент. – 6 окт.).

Приведенные примеры из популярного в Эстонии еженедельника «День за днем» представляют собой трансформированные или переосмысленные фразеологические единицы и прецедентные тексты, налицо стремление авторов статей включить читателя в «свое» национально-культурное пространство. У используемых в приведенных примерах топонимов, фамилий существует свой национально-культурный фон, эти вкрапления понятны лишь «своему», эстонскому читателю: эстонская поэтесса Лидия Койдула известна и как автор слов гимна Эстонии, но чтобы понять данный пример, нужно знать о том, что ее портрет был помещен на стокроновой денежной купюре. Чтобы выявить подтекст примеров 2 и 3, нужно знать, кто такие Р. Ланг и М. Лаар: первый известен как весьма далекий от культуры министр культуры, второй – министр обороны, историк по образованию, разрабатывающий планы защиты от внешнего врага. Использование прецедентных текстов и фразеологизмов – одно из проявлений языковой игры, которая и в российской, и в эстонской прессе имеет сейчас массовый характер. Перечисленные речевые особенности газетных публикаций свойственны и русской речи в телеэфире Эстонии.

Эстонский телеэфир представлен множеством каналов: спутниковые (Discovery, Travel, History), российско-американо-израильский RTVI, русские, белорусские, украинский. Вещающий на прибалтийском пространстве ПБК передает российские программы, но на этом же канале можно увидеть и услышать прибалтийские передачи. Есть ряд местных каналов на эстонском языке, транслирующих и русскоязычные программы. Для одних участников этих передач русский язык является родным, для других – иностранным. На американском и европейских каналах мы слышим «переводной» русский, а оригинальный русский язык звучит на российских, украинских и белорусских каналах.

Такое обилие и разнообразие телевизионных передач, смесь различных вариантов русского языка хорошо демонстрируют нашу языковую ситуацию и дают возможность познакомиться с самыми разными речевыми практиками. Телеэфир Эстонии, как и пресса, во многом отражает мультикультурность русскоязычной аудитории стран Балтии, наличие в этой аудитории различных, сложным образом переплетающихся влияний.

Следует отметить, что на американских и европейских телеканалах, вещающих на переводном русском языке, звучит очень корректная русская речь. Естественно, что этот переводной русский язык имеет свою систему топонимов, антропонимов, официальных наименований (*федеральный округ, префектура*), а переводной текст во многом зависит от переводчика. Оригинальный русский язык звучит на российских каналах. Для многих российских журналистов, ведущих, участников телепередач характерны экспрессивность и метафоричность высказываний, персонификация топонимов, использование прецедентных текстов, языковая игра, стремление противостоять стереотипам. В эстонских СМИ, в частности в телепередачах, игровое начало, лингвокреативность выражены не столь ярко, тональность программ в целом более нейтральна, хотя и им свойствен ряд сходных с российскими телепередачами черт. Речевой фон эстонских программ на русском языке более нейтрален в сравнении с передачами, создаваемыми в России, но все же во многом ориентирован на российские СМИ (разумеется, многое зависит от тематики, ведущих, особенностей речевого этикета). Использование русского языка в качестве неродного также отражает нашу языковую ситуацию, как и наличие субтитров на эстонском языке к ряду русскоязычных передач. Отметим еще раз, что участники программ говорят на русском языке, но каждая фраза сопровождается субтитрами на эстонском – или наоборот, когда проводится блиц-интервью. Для многих местных телепередач (как, впрочем,

и российских) прежде всего характерно широкое использование разговорной лексики, причем запрет с просторечий снят не только в ироничном контексте: 1) *Пользователь спокойно лезет в Интернет и не парится* (Суд присяжных. 2009. 20 июля); 2) *Месяц назад мне моча в голову ударила, и я устроилась работать уборщицей* (Суд присяжных. 2009. 3 авг.).

Русская речь в телеэфире Эстонии отражает иноязычное влияние, неизбежное в нашей ситуации. Русский язык в Эстонии, как и во многих других странах, имеет свою систему прецедентных названий, топонимов и антропонимов. Следует отметить, что в записанных нами телепередачах эстонских заимствований было относительно мало, что особенно бросалось в глаза на фоне множества англо-американских вкраплений, правда, зачастую связанных с проблемами пользования компьютером, но не только: *Найти анонимного прокси* — дело двух минут (Суд присяжных. 2009. 20 июля).

На фоне заимствованной лексики выделяются слова и словосочетания, «местное» значение которых понятно только жителям Эстонии, поскольку они отражают эстонские реалии: *родительская зарплата, мамина зарплата, Бронзовый солдат, квалитет, Рийгикогу, кома* (при озвучивании цифровых данных) и др.

Таким образом, многие особенности в использовании русского языка в СМИ Эстонии характерны и для современной российской прессы: это активизация разговорного фонда лексики, языковая игра, иноязычное влияние: большое количество англицизмов (в местных СМИ — и эстонизмов), употребление латиницы. Однако в Эстонии мы наблюдаем стремление авторов статей и ведущих телепередач включить читателя в «свое» национально-культурное пространство. Использование русского языка в качестве неродного также отражает нашу языковую ситуацию.

Список литературы

1. Евстратова С.Б. Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Вып. 6 : Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002.
2. Кюльмоя И.П. Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика-ХII. Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Тарту, 2009.
3. Лассан Э.Р. О прагматиконе русской политизированной личности в Литве // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. Вып. 3 : Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту, 2000.
4. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). М., 1981.